

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

**РЕЗОНАНС
ЭПИЦЕНТР**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

В соавторстве
с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»
**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Часть первая

СОЦИАЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА 1

Утро. Встречный ветер. Краешек солнца над горизонтом. Скорость, рокоток движка, тряска на неровной грунтовке. Пыль.

Я — в кожаном плаще, танковом шлеме и мотоциклетных очках с каждой минутой уношусь все дальше и дальше от комендатуры. Не сбегая — вовсе нет! — но отбываю к новому месту несения службы. Пояс оттягивает кобура, в держателе закреплен ППС, в люльку сгружены фанерный чемоданчик с личными вещами и мешок с прочими пожитками. Во внутреннем кармане — полный пакет документов. В голове — сумбур.

Паника отступила, но и душевного спокойствия не прибавилось ни на грош.

Я убил человека. Я — убил.

И если морально-этическая сторона вопроса сейчас волновала мало — урод сам напросился! — то от ожидания неминуемых или как минимум вполне возможных юридических последствий натуральным образом крутило потроха. И это еще повезло, что к моменту моего отъезда из расположения не только не обнаружили бездыханного тела Казимира, но и вроде бы даже не заметили его отсутствия в медсанчасти. По крайней мере, никаких видимых мер по розыску ушедшего в самоволку курсанта или его убийц пока что не предпринималось.

За ночь я и глаз не сомкнул — все ворочался, ворочался и ворочался в ожидании решительного топота, стука распахнувшейся двери, приказа одеваться и шагать на выход. И утром, когда получал у старшины командировочное удостоверение и учетную книжку, собирал вещи, прощался с Василем и Варей, напряжение тоже не отпускало ни на миг. Но тогда это были еще цветочки — вот пока ехал от автохозяйства до контрольно-пропускного пункта, аж взмок весь; так и казалось, что на

КПП развернут и отправят на допрос. Но не развернули и не отправили.

Предъявил документы, вывернул на дорогу и лишь там, такое впечатление, начал дышать полной грудью. Глупость, конечно, полнейшая. И не то глупо, что задержания боялся — действительно могли и допросить, и на гауптвахту до завершения расследования законопатить, — глупо было расслабляться, просто за ворота выехав. Как выехал, так и обратно заеду, если подозрения в моей причастности к гибели Казимира возникнут.

И все же напряжение отпустило сразу, как только шлагбаум за спиной начал опускаться. Умом понимаю, что ничего еще не кончено, да только нервной системе на все доводы разума плевать с высокой колокольни.

Вырвался? Вырвался!

Отсюда и подсознательное желание прибавить скорость. Но сдержался, не лихачил и ручку газа до упора не выкручивал. На выезде пришлось остановиться у пропускного пункта, крышу которого венчала солидная мачта антенны. Сонный младший сержант без особого интереса изучил направление, вернул бумаги и пообещал дать знать о моем выдвижении на Кордон.

— Проезжай! — махнул он рукой, зевнул и скрылся в караулке.

Я и поехал и уж больше не сдерживался, прибавил скорость, подставил лицо встречному потоку воздуха, выкинул из головы страха и опасения.

Все! Погнали!

Ждали меня километрах в пяти от города. Дорога там поднималась на небольшой пригорок, а только я перевалил через него и покатил вниз, на глаза сразу попался припаркованный у обочины двухдверный автомобиль со сложенной крышей. Не легковой вездеход Отдельного научного корпуса и не патрульная полицейская машина, обычный автомобиль без стилизованной схемы атома на дверцах или таблички «Полиция» за лобовым стеклом, но сердце так и забилося.

Рядом с малолитражкой стоял Альберт Павлович. Институтский консультант требовательно вскинул руку, и я сбросил скорость, прижался к обочине, стянул с головы танковый шлем.

— Ну и что ты творишь, Петр?

Резкий вопрос заставил растерянно захлопать глазами; мысли в голове так и заметались.

О чем это он? О чем, о чем, о чем?!

Усилием воли я подавил нервную дрожь и взял эмоции в узду. Это ведь не задержание по подозрению в убийстве! Точно — не задержание! Слишком странное место, да и с чего бы Альберту Павловичу чужую работу выполнять? Едва ли это соответствует его принципам!

Быть может, раздражение вызвала моя командировка? Но это же глупо! Послали — и поехал, а как иначе-то? Какие еще могут быть варианты?! Или дело в том, что не изыскал возможности заблаговременно уведомить о полученном назначении? Так я и сам не знал! А как узнал, сразу капитану Городцу доложил. Ко мне какие претензии?

Я сглотнул и спросил:

— А что такое, Альберт Павлович?

— У тебя в направлении пункт назначения какой указан? — последовал новый неожиданный вопрос. — «Сорок шестой километр», так?

— Так.

— А на инструктаже что касательно остановок говорили?

— Только по требованию уполномоченных сотрудников ОНКОР...

Консультант РИИФС развел руки в стороны.

— Я похож на уполномоченного сотрудника корпуса? Нет? Ну и что ты творишь, Петя? Жить надоело?

У меня натуральным образом голова кругом пошла.

— Но вы же...

— Заруби себе на носу: любая остановка в пути чревата тем, что тебя прикончат, а техника, оружие, форма и документы окажутся в руках иностранных диверсантов или местных саботажников. Эпицентр — зона повышенного внимания, тут оперативная обстановка будто на фронте.

— Понял, — ответил я, впрочем, не слишком-то уверенно.

Альберт Павлович жестко глянул в ответ и резко сменил тему разговора:

— Мышека зачем убил?

Я успел уверить себя в том, что опасность миновала, поэтому округлил глаза в совершенно естественном, без малейшего наигрыша изумлении. Но вот высказался уже вполне осознанно, в нужном ключе, не позволив шоку сдавить до сих пор нывшую гортань и признать своим нелепым молчанием вину.

— Да как — убил? — возмутился я. — Подумаешь, приложил дубинкой по голове! Большое дело! На днях с ним виделся. Живехонек!

— О дубинке мы еще поговорим! — отрезал консультант. — А убили курсанта Казимира Мышека, судя по температуре тела и трупному окоченению на момент обнаружения, вчера с десяти до одиннадцати часов вечера.

— Убили?! — разыграл я страшное изумление, но театральными эффектами все же увлечься не стал и замотал головой. — Нет, нет, нет! Я в это время уже спал. Да и не ходил я в медсанчасть! Кто бы меня туда пустил?

А в голове — другое. Если Василь не захочет выставлять свои отношения с Варей напоказ, то может мое алиби и подтвердить. Но даже если скажет, что я появился позже — тоже не страшно. Не докажут. Ничегошеньки они не докажут!

Опять же температура тела — показатель не слишком точный, сильно от погодных условий зависит. Ну, мне так кажется...

— Казимир Мышек самовольно покинул и медсанчасть, и расположение. Он был убит за территорией комендатуры.

— Но я-то территорию не покидал! А Казик дурной был, вот и нарвался на неприятности! Подкатил к какой-нибудь барышне и огреб от ее кавалера.

— Он был в больничной пижаме, а значит, ушел в самоволку с вполне конкретной целью. Вероятно, желая перехватить кого-то, кто покинул расположение раньше его самого.

Вспомнились слова капитана Городца о том, что топить меня он не станет, это придало решимости, и ответил я со всей возможной уверенностью:

— Ничего об этом не знаю.

Лицо консультанта как-то разом расслабилось, вновь стало добродушно-округлым.

— Неплохо держишься, молодец, — похвалил меня Альберт Павлович и едва заметно улыбнулся, чтобы тут же выставить перед собой указательный палец. — Но! У тебя был конфликт с убитым, и нет твердого алиби на момент его смерти. Проверка установит и тот и другой факт в самые сжатые сроки. И пусть в случае с шокером доказать умысел не получится, твоя причастность к убийству сослуживца неминуемо станет одной из двух основных версий случившегося. А значит, с тобой начнут работать, и работать всерьез.

По спине побежали мурашки, но присутствия духа я не потерял и с показной беспечностью пожал плечами.

— Да и пусть!

— Свидетелей нет — это хорошо. Даже если кто-то был в курсе замысла Казимира, это лишь косвенные улики. Дело может решить чистосердечное признание, поэтому не вздумай вестись на уговоры и признаваться в непредумышленном убийстве или превышении пределов необходимой обороны. Ничем хорошим для тебя это не кончится, уж поверь на слово. Особенно учитывая использование сверхсилы.

— Да я...

— Помолчи! — жестко оборвал меня Альберт Павлович. — Ты не абсолют, не забывай об этом! Пусть никто с кондачка и не сумеет забраться в твою голову, но, как только станешь основным подозреваемым, а это случится весьма и весьма быстро, следствие без труда получит санкцию на применение спецпрепаратов. И тогда ты расскажешь обо всем сам.

По спине потек горячий пот; я не выдержал, расстегнул плащ, распахнул его и оттянул прилипшую к груди гимнастерку.

— Альберт Павлович, вы ведь не просто так затеяли этот разговор, правильно?

Консультант кивнул.

— Есть возможность избавить тебя от допроса под медикаментами, но не в моих принципах оказывать подобные услуги на безвозмездной основе.

Вот так дела! Но капитан Городец и вовсе предупредил, что помогать не станет, а тут хоть поторговаться можно. Наверное...

Я сглотнул, и едва ли судорожное движение кадыка укрылось от собеседника, но — плевать, чистосердечного признания он от меня не дождется.

— Не скажу, будто опасаясь допроса с использованием каких-то там препаратов, — осторожно начал я, — но сама его возможность представляется мне крайне обидной несправедливостью. Поэтому если ответная услуга будет не слишком обременительной, я конечно же ваше предложение приму.

Альберт Павлович рассмеялся.

— Нет, Петя, так дела не делаются. Я и сам пока еще не знаю, чем ты можешь оказаться полезен и сможешь ли оказаться полезен вообще. Это игра вдолгую.

Я помотал головой.

— И что же тебя смущает? — с легким намеком на улыбку спросил консультант.

— Откуда мне знать, что потребуется взамен? Я ведь даже толком не знаю, что связывает вас с корпусом!

— Я — консультант кафедры кадровых ресурсов факультета теоретических изысканий РИИФС. И для тебя этого должно быть вполне достаточно, поскольку разграничить, где заканчивается институт и начинается Отдельный научный корпус, порой... непросто. К примеру, заведующий военной кафедрой имеет чин майора ОНКОР, как и проректор по медицинским вопросам, который совмещает преподавательскую и научную деятельность с руководством медслужбой корпуса. А ректор и вовсе возглавляет наблюдательный совет. Если проводить аналогии, он у нас губернатор.

— Вы — не они!

Альберт Павлович устало вздохнул, уселся на водительское сиденье автомобиля, переложил назад с пассажирского места шляпу и сделал приглашающий жест рукой. Тут я колебаться не стал, устроился рядом.

— Видишь ли, Петя, мы живем в непростое время, которое требует непростых решений. Ты политически подкован и должен понимать, сколь все зыбко и нестабильно. Но внешние враги республики, их внутренние пособники, реваншисты и реакционеры — это лишь вершина айсберга. Все много-много сложнее, чем видится со стороны. Идет незримая борьба за выбор пути развития человечества, и дело вовсе не ограничивается разговорами о неминуемом появлении новой сверхрасы. Евгенические эксперименты по ее искусственному выведению начались практически одновременно с открытием феномена сверхэнергии. Все это может закончиться очень плохо. Сейчас человек способен многого добиться своим трудом. При наличии таланта, упорства и чуточки везения реально достичь любых высот. Но если не переломить ситуацию, то не пройдет и ста лет, как люди вновь разделятся на первый и второй сорт, только теперь уже без всякой возможности пересечь новые словесные границы. Понимаешь, о чем я?

— Не вполне, — честно сознался я.

— Доступ к сверхэнергии получают лишь избранные. Образуется, если угодно, новое дворянство. И этих уже так просто будет не сковырнуть. Их личное могущество усилится многократно, любая революция захлебнется в крови, и никакой научный прогресс ничего исправить не сможет. В то же время

мы — за сверхэнергию для всех. Одни во всем мире, подумай об этом.

— Мы — это кто?

— Институт. Корпус. Политики, военные и чиновники, разделяющие наши воззрения, — ответил Альберт Павлович. — И не думай, будто я сгущаю краски, ситуация и в самом деле критическая. Сколько было аристократов в империи — один из ста или около того? Множество их уехало из страны после революции, но знаешь ли ты, что десять процентов операторов — из дворян? А всего через «Общество изучения сверхэнергии» проходит каждый пятый соискатель. Каждый пятый, подумай только!

Мне было откровенно не до того, но масштабы проблемы я осознал и принял.

— Реваншисты не испытывают проблем с финансированием, их подопечные с самого раннего детства живут в непосредственной близости от Эпицентра и проходят соответствующую подготовку. Это не гарантирует стопроцентную результативность, но она много выше среднего. А по стране, особенно в крестьянской среде, идет оголтелая пропаганда, призывающая не пускать детей на инициацию. Каких только нелепостей не сочиняется на этот счет, но люди-то верят! Плюс начинают образовываться настоящие кланы, костяк которых составляют дворянские фамилии и семейства преуспевающих промышленников. Они оплачивают обучение, делятся тайными практиками, вербуют перспективные кадры в обмен на содействие в достижении пика возможностей или связывают кабальными контрактами; сам видел, как это происходит в распределительном центре! Сколько операторов уже попало в зависимость и сколько еще попадет? Чьи приказы они станут выполнять? И какие это будут приказы, а?

Я вздохнул.

— Альберт Павлович, вы не ответили на мой вопрос.

— Не ответил, — подтвердил тот. — Скажу так: представляемая мною структура в меру своих возможностей препятствует утечке сведений о научных разработках, выявляет вражеских агентов влияния, их пособников, саботажников и вредителей. Мы отделяем зерна от плевел, выбираем камушки из риса. И действуем полностью в рамках закона, пусть чаще всего и негласно, задействуя связи в официальных структурах.

— А я?..

— А ты при необходимости окажешь нам содействие. Понятия не имею, какое и когда. Только не расценивай это как кабалу, мы ведь на одной стороне, так?

— На одной, — подтвердил я, тщетно стараясь подавить дрожь в голосе. — На одной...

И это было действительно так. Альберт Павлович говорил правильные вещи, я разделял его устремления и действительно хотел оказаться причастным к чему-то большему, нежели банальное патрулирование улиц.

— Так мы договорились? — уточнил консультант.

— Да, — сказал я после долгой паузы, словно мне и в самом деле предоставили возможность выбирать, а не загнали в угол.

— Об этом разговоре — ни одной живой душе, понял? Даже капитану Городцу не говори. Это наши с тобой дела, его они не касаются. Понял?

— Понял.

Альберт Павлович протянул руку и попросил:

— Дай учетную книжку.

Я не стал интересоваться, зачем она ему понадобилась, выполнил распоряжение молча. Консультант быстро отыскал нужную страницу, вытянул из кармана перьевую ручку, свинтил с нее колпачок и принялся что-то писать.

— Некоторые люди плохо переносят введенный тебе при подстройке к колебаниям сверхэнергии препарат, а для подавления воли операторам вкалывают его производные. Чаще и вовсе ограничиваются ментальным воздействием, но это не всеми срабатывает, с тобой не сработает наверняка. Поэтому запоминай: по приезде в распределительный центр ты ощутил головокружение и слабость в ногах, звенело в ушах, стало сложно дышать. В медчасти зафиксировали низкое давление, учащенный пульс и нарушение дыхания. Дальше — ничего не помнишь. Когда очнулся, врач сказал, что дело — в индивидуальной непереносимости препарата. Предложат пройти медикаментозную проверку — отказывайся, имеешь право. Побочные эффекты раз от раза сильнее, может и сердце не выдержать. Все понял?

Я молча кивнул.

Тогда Альберт Павлович достал с заднего сиденья свой потрепанный саквояж, расстегнул его и вынул деревянную коробочку со штемпельной подушечкой, а следом и печать. Поставил оттиск, затейливо расписался — не за себя, от имени заведующего медчастью. И я понял: слово придется сдержать,

а поручение — выполнить. Теперь на крючке: заупрямлюсь, врач мигом откrestится от этой записи в учетной книжке. Тогда — конец.

Но не заупрямлюсь, точно нет. И даже не из страха неминуемого возмездия. Просто мне и в самом деле хотелось оказать полезным.

Консультант вернул учетную книжку и вздохнул.

— Петя, очень тебя прошу: осторожней на трассе, а то не доедешь. Сгинешь где-нибудь по пути.

— Ладно, — пришибленно кивнул я, решив и в самом деле поостеречься.

В конце концов, собеседнику незачем нагонять на меня жуть, а в оперативной обстановке он ориентируется куда лучше моего.

— Ни пуха, Петя!

— К черту! — отозвался я, отошел к мотоциклу и на всякий случай передернул затвор пистолета-пулемета, взведя оружие. Сверхспособности — это здорово, но увеличить дистанцию поражения лишним точно не будет.

Альберт Павлович поднял вверх большой палец, завел автомобиль и покатил к городу. Ну а я затянул ремешки шлема, толкнул ногой педаль пускового устройства и поехал в противоположном направлении. К Эпицентру и как бы не к новым проблемам...

От Новинска до Кордона — сорок километров по прямой, да и протяженность дороги лишь немногим больше: трасса почти не отклонялась от восточного направления и виляла из стороны в сторону, лишь огибая какой-нибудь очень уж крутой холм или сворачивая к мосту через овраг с обрывистыми краями.

В целом резкие изгибы и повороты случались не так уж и часто, все больше гнал, и гнал размеренно и спокойно. И вот эта размеренность движения в итоге и стала серьезной проблемой: ночью глаз не сомкнул, и сейчас веки начали опускаться сами собой. Если б не тряска и мощный поток встречного воздуха, точно бы задремал; да и так, несмотря на все предпринимаемые усилия, несколько раз клюнул носом.

Ладно хоть еще дорога была преимущественно пустой, лишь раз обогнал колонну автобусов в сопровождении двух броневиков и оставил позади группу невесть куда намылившись велосипедистов. В обратном направлении движение тоже интен-

сивностью не отличалось: за все время к Новинску прошло с десятков грузовиков, преимущественно с кабинами защитной окраски и эмблемами ОНКОР на дверцах, да сколько-то телег, которые поленился сосчитать.

Поначалу часто попадались боковые съезды, а сама трасса в основном шла по стыку тайги и степи; я то гнал напрямик через языки леса, то вырывался на открытое пространство. Где-то после шестидесятого километра начали встречаться мобильные посты, да еще чуть в стороне от дороги обнаружился основательный опорный пункт с узкими окнами-бойницами и высоченной антенной на крыше.

Меня не остановили ни разу, так беспроблемно и добрался до Кордона. Документы пришлось предъявить только на въезде в городок. Ну а дальше я покатился по наклонной. Нет, серьезно. Сначала меня направили к командиру автоброне-танкового батальона, но с самим майором увидеться не получилось, его адъютант мельком глянул направление и отфутболил в канцелярию автомобильной роты. Усатый капитан по-полнению обрадовался, даже похлопал по плечу, после чего без промедления перепоручил меня бритому наголо лейтенанту лет тридцати на вид, руководившему мотоциклетным взводом.

— Учти, курсанта к обучению пристроить надо, договорись там со всеми, — предупредил он взводного напоследок. — И давай только без формализма, Игорь. Комиссар Хлоб на этот счет комбату звонил, просил оказать содействие. Говорит, лучшие кадры в ответ на наши слезные просьбы от сердца отрывает.

— Ну, раз сам комиссар... — протянул командир взвода не раздраженно, а скорее озадаченно, словно обдумывая какую-то неожиданную мысль. — Сделаю в лучшем виде, господин капитан!

Подозреваю, столь официальный тон общения был тут не в ходу, поскольку усач сурово насупил брови и даже пригрозил подчиненному пальцем. Смысл этой пантомимы остался для меня загадкой, да и некогда было на этот счет голову ломать, нас отпустили, а в приемной взводный не удержался от тяжелого вздоха.

— На полставки, значит. Ну-ну... — Он указал на мой шеврон и покрутил пальцем. — Избавься от этого безобразия, рядовой.

Я сообразил, что речь идет о нашей букве «К», и отозвался:

— Будет исполнено, господин лейтенант!

— Как оформишься, приезжай в гараж. Обсудим твое обучение.

— Будет...

Командир взвода только рукой махнул.

— Да брось ты глотку драть, — и ушел.

Ну а я озадаченно хмыкнул, поправил ремень свисавшего с плеча пистолета-пулемета и отправился оформлять документы. На все про все ушло около часа, в итоге у меня изъяли курсантское удостоверение и вручили взамен новое, согласно которому теперь я числился рядовым автобронетанкового дивизиона ОНКОР.

Ну и нормально. Всяко лучше, чем в комендатуре работать. Разве плохо мотоциклистом быть? Да ничуть! Не придется к людям на улицах цепляться и пьяных успокаивать, а чем предстоит заниматься... Тут я озадаченно поскреб затылок, поскольку круг своих грядущих обязанностей не представлял даже близко.

И еще мелькнула мысль, что при таком везении следующим местом моего пребывания запросто может стать дисциплинарный батальон, а то и обычная тюрьма, но задавил ее, выкинул из головы. Разговор с Альбертом Павловичем подарил надежду на лучшее будущее. Обязательства обязательствами, но душу грел сам факт того, что кто-то во мне заинтересован. И не просто кто-то, а те, с кем мне и самому хотелось вести дела.

Да! Я и вправду надеялся оказаться причастным к защите интересов республики, желал стать полезным правому делу, а не просто день за днем тянуть лямку опостылевшей службы. Альберт Павлович говорил правильные вещи. Кто-то должен дать отпор оголтелым реваншистам и зарвавшимся капиталистам, будет здорово, если к этому привлекут и меня. Пожалуй даже, у меня появился новый приоритет.

На выходе я справился у курившего перед крыльцом младшего сержанта, где базируются мотоциклисты, завел движок своего железного коня и покатил по городку, застроенному преимущественно двухэтажными зданиями, — домов выше трех этажей, за исключением госпиталя, на глаза не попало. И не так уж редко встречались на улицах люди в штатском; впрочем, в разгар рабочего дня праздных прохожих на улице было немного.

Территорию автомобильной части огораживал высокий забор с колючей проволокой поверху, но ворота стояли распахнутыми настежь, их перекрывал лишь опущенный шлагбаум. Пришлось остановиться и предъявить караульным удостоверение, и даже так заехать разрешили только после того, как сержант отыскал выписанный на мое имя пропуск.

— Новенький, значит? — без особого интереса уточнил он и махнул рукой. — Поднимай!

Шлагбаум дрогнул и пошел вверх, я выждал миг и покатил дальше. Сразу у въезда рядами стояли грузовики, обычные и с установленными в кузовах крупнокалиберными пулеметами. Немного дальше прятались от солнцепека под навесами броневика, а за ними — глазам своим не поверил! — разместили полтора десятка танков, часть из которых была на гусеничном, а часть — на колесном ходу.

Наш взвод занимал дальний угол, мотоциклы стояли под открытым небом, лишь два оказались загнаны в гараж. Хотя, судя по их состоянию, это и не гараж был вовсе, а ремонтная мастерская.

Я заглушил движок, перебросил через руку плащ, повесил на плечо пистолет-пулемет и прошел в ангар, где два мужичка в синих рабочих комбинезонах возились с мотоциклом, пол вокруг которого пестрел лужицами машинного масла. Основное помещение оказалось в два этажа, под потолком была закреплена лебедка, а правую часть здания отгородили и разделили на отдельные комнатухи.

— Здравствуйте! А как мне увидеть лейтенанта... — Тут я запнулся, не сразу припомнив фамилию командира взвода. — Лысуху?

Мужички отвлеклись и окинули меня внимательными взглядами, затем посмотрели на оставленный на улице мотоцикл, а после один с хмурым видом выдал:

— Как, как... Глаза разуй и увидишь!

— Век бы его не видеть, — буркнул второй.

И тут откуда-то сверху послышался окрик:

— Поговорите мне еще!

Первый техник сплюнул и вернулся к осмотру разобранного движка, другой досадливо отмахнулся промасленной ветошью и присел рядом. Я поднял взгляд и увидел лейтенанта, перегнувшегося через ограждение второго этажа.

— И чем ты вообще недоволен, Михалыч? Вон, пополнение прислали со своим транспортом, и мотоцикл не рухлядь

какая-нибудь, которой сто лет в обед, а на ходу. Осмотрите его, только не вздумай запасные части на всякое старье менять! А то я вас знаю!

Морщинистый дядька выпрямился, вытер ладони ветошью и протянул руку.

— Давай ключи, молодой. Посмотрим твой драндулет.

Я озадаченно глянул на лейтенанта, тот кивнул искомандовал:

— Поднимайся!

Тогда уж я колебаться не стал, отдал ключи и двинулся по сваренной из железных прутков лестнице на второй этаж. Откуда-то из дальнего конца коридора доносился размеренный стук, но туда идти не пришлось, командир взвода помахал мне рукой от распахнутой двери небольшой комнатухи с письменным столом, креслом и парой стульев для посетителей, в правой стене которой было проделано небольшое окно.

— Направления давай, — протянул руку лейтенант и указал на один из стульев. — Садись.

Сам он устроился на низком подоконнике, достал портсигар и спички, закурил, выдохнул на улицу струю табачного дыма. После зажал папиросу в уголке рта и принялся разбирать мои бумаги.

— Ага, стажировка, — пробормотал он, пыхнув дымом. — Не проблема, наставником обеспечу. Развитие сверхспособностей — это в учебную часть. Госпиталь, третий кабинет. Сам договоришься, не маленький.

Я поднялся со стула, забрал учетную книжку и остался стоять в ожидании продолжения.

— Остаются физическая и стрелковая подготовка, а еще — рукопашный бой... — Командир взвода глубоко затынулся, потом вдавил окурочек в пепельницу, выдохнул дым на улицу и соскочил с подоконника. — Попробую тебя к одной из групп новобранцев пристроить, индивидуально натаскивать никто не возьмется.

Он выбрал из стопки направлений ордер на заселение в общежитие и вручил его мне, потом двинулся к выходу и позвал за собой:

— Идем, с коллективом познакомлю.

Короткий коридор привел нас в дежурку, где было так накурено, что сизый табачный дым буквально плавал в воздухе, несмотря на два распахнутых настежь окна. У меня даже глаза разбежались, не в силах ни одновременно охватить всю кар-

тинку разом, ни сосредоточиться на какой-либо отдельной детали, — очень уж своеобразной оказалась тут обстановка.

В дальнем конце помещения рядом со столом для игры в пинг-понг размеренно «набивал» футбольный мяч, не позволяя тому упасть, коротко стриженный и подтянутый рядовой лишь на год или два старше меня. В соседнем углу было проделано отверстие в полу; с помощью спускового столба можно было очутиться на первом этаже буквально в мгновение ока. У стен, помимо длинных низких лавок и потертого диванчика, обнаружилась еще и больничная кушетка с подушкой и покрывалом, а по центру стоял круглый стол, за которым играли в карты три бойца. Самому старшему из них я навскидку дал лет сорок пять, самый младший не тянул и на половину этого возраста, а последний из картежников выглядел ровесником взводного.

Именно этот белобрысый, мясистый и широкий в кости сержант и отпрапортовал:

— Господин лейтенант, за время дежурства происшествий не случилось!

— Принимай пополнение, — распорядился командир взвода и обратился уже ко мне: — Поступаешь в распоряжение сержанта Козодоя. Как заселишься, дуй в учебную часть, оттуда сразу ко мне. Пока прикину, к кому тебя пристроить. — Он задумчиво помахал листками, затем глянул на дядьку с нашивками прапорщика. — Данила Сигизмундович, а не подскажешь, чего на меня техники волком смотрят? Что там опять случилось?

Прапорщик бросил карты, затушил папиросу и поднялся из-за стола.

— А вот сейчас и узнаем.

Офицеры покинули дежурку, тогда сержант со значком «Отличный шофер» на гимнастерке перевернул скинутые Данилой Сигизмундовичем карты и беззлобно ругнулся.

— Вот же везучий!

После он перевел взгляд на меня, и я поспешил представиться:

— Рядовой Петр Линь!

Сержант кивнул и указал на темноволосого ефрейтора, откровенно недовольного внезапным окончанием партии.

— Иван Черепица. — Следом представил так и продолжавшего набивать мяч рядового: — А это Вова Жук — наша гор-

дость, форвард батальонной сборной. Поговаривают, на следующих соревнованиях вызовут в дивизионную команду.

Белобрысый футболист приветственно помахал рукой и счел нужным отметить:

— Вызвать — вызовут, да только кто ж меня отпустит?

— Осенью могут и отпустить, — обнадежил его сержант. — Ну а я Захар, фамилия моя Козодой. Будешь в третьем отделении, график дежурств и выездов немного позже согласую, но скажу сразу — кататься к Эпицентру на первых порах придется чаще остальных. Не дело стажеру штаны в дежурке протирать, сам понимать должен.

— Да я не против, господин сержант.

— Давай без господ, — поморщился Козодой. — Тут все свои.

— Хорошо.

— Тебя из комендатуры к нам?

— Ага. Даже курсы не успел окончить.

— Инициацию на каком витке прошел?

Неудобный вопрос заставил напрячься, но виду я не подал и ответил без заминки:

— На девятом.

Как ни странно, сержант явственно обрадовался.

— В масть! Как раз экипаж девяток водителем не укомплектован.

Вова поймал мяч рукой, вытер выступившую на лице испарину и спросил:

— В футбол играешь?

— Не-а. Говорят, не из того места ноги растут, — честно сознался я.

— А в преферанс? — уточнил Иван Черепица, собрав все карты в колоду.

Был он смуглым и чернявым, невысоким и жилистым; двигался отрывисто и резко, словно заводная игрушка. Темные глаза глядели остро и жестко.

Я в ответ покачал головой.

— Придется научиться, — буркнул ефрейтор.

Сержант Козодой хлопнул меня по плечу и рассмеялся.

— Да ты не бойся, играем не на деньги, а на очередность выездов в дежурную смену. Ладно, идем шкафчик покажу. Короче, Ваня, ты за старшего.

Захар шагнул было к спусковому столбу, но оглянулся на меня, покачал головой и повел к лестнице. На первом этаже я

забрал из коляски мотоцикла чемоданчик и вещевой мешок, тогда сержант спросил:

— Твой агрегат? — А после утвердительного кивка обратился к мужичку в рабочем комбинезоне: — Михал Михалыч, и как он? Проблем не будет?

Техник, который сидел на приступке и жевал бутерброд с колбасой, лишь плечами пожал.

— Ну, сюда он же как-то приехал.

— А отсюда?

— И отсюда уедет.

Сержант Козодой фыркнул и настаивать на конкретике не стал, получил у дневального ключ и протянул мне.

— Короче, вещи пока в шкафчик убери — до вечера в общежитие точно не заселишься.

— А оружие?

— Туда же. Если что случится — некогда будет в оружейку бежать. Сдашь по окончании дежурства. А пистолет всегда при себе носи — мы в оперативном резерве, нам положено.

На жестяной бирке оказалось выбито «М. В.30»; в длинном полутемном помещении я отыскал металлический шкаф с номером тридцать, раскрыл его и повесил внутрь плащ, закинул на верхнюю полку краги и танковый шлем. Чемоданчик пришлось поставить на попа, на него устроил вещевой мешок. Мелькнула мысль принять душ, но заставлять ждать сержанта точно не стоило, поменял сапоги на ботинки и вышел к курившему на улице Козодою.

— Казарму видишь? — ткнул окурком Захар в сторону двухэтажного здания, выстроенного неподалеку от контрольно-пропускного пункта автомобильной части. — Там пулеметный взвод квартирует. А в следующем доме — дежурка стрелков. В случае тревоги или срочного вызова сначала забираешь пулеметчика, потом снайпера и катишь по месту назначения. Понял?

— Так точно.

Сержант взглянул на наручные часы.

— Где учебная часть, знаешь?

— В госпитале? Третий кабинет?

— Ага. Короче, дуй туда, а после обеда на пробу скатаешься к Эпицентру.

— Вот так сразу?

— А чего тянуть? Беги!

Побежать я не побежал, но и медлить не стал, нахлобучил на голову панаму и быстрым шагом двинулся к госпиталю. При этом поглядывать по сторонам не забывал, и вскоре на ум само собой пришло словосочетание «военный городок». На глаза то и дело попадались люди в форме, через перекресток промаршировала колонна бойцов ОНКОР, вывернули с соседней улочки два грузовика защитной окраски — один с пехотинцами, другой с зенитной установкой в кузове, а немного погодя в том же направлении, натужно порывкивая мотором, пропылил броневик с установленным в башне крупнокалиберным пулеметом. Дальше внимание привлекло тарыхтение мотоциклетного движка — это оказался патруль комендатуры. Остановились, проверили документы, покатали дальше.

Гражданские тоже на глаза попадались не так уж редко — людей вообще на улицах заметно прибавилось, — но все же основную часть населения Кордона составляли сотрудники Отдельного научного корпуса или те, кто имел к нему какое-то непосредственное отношение. Такое у меня сложилось впечатление.

Ну а если абстрагироваться от прохожих, техники и однотипных двухэтажных зданий, то в сухом остатке оставались только пыль и жара. Пока дотопал до госпиталя, хорошенько пропотел и запыхался.

В отличие от прошлого посещения сего медицинского учреждения площадь перед ним оказалась пуста, да и по коридорам не шастали туда-сюда ошалелые соискатели и новоиспеченные операторы. Не пришлось выстаивать очередь и в пресловутый третий кабинет. Спустился, припомнил имя-отчество инструктора и с порога сказал:

— Здравствуйте, Трофим Федорович! Меня к вам на прохождение обучения направили.

— Линь? — уточнил плешивый дядька в синем рабочем комбинезоне.

— Так точно!

Инструктор протянул руку и требовательно прищелкнул пальцами, а когда я подошел и отдал учетную книжку, он многозначительно заметил:

— Савелий звонил, предупреждал на твой счет.

Вот тут-то я и начал натуральным образом обтекать. Впрочем, если с жары да в прохладу — как тут испариной не покрыться?

— Значит, самостоятельно алхимическую печь осваивать взялся? — будто между делом спросил Трофим Федорович.

Я кивнул.

— Случайно получилось...

Инструктор выставил открытую ладонь, призывая меня к молчанию, затем не глядя вытянул из коробки папиросу, сунул ее в рот и усилием воли зажег табак, задымил.

— Фокусировку на восьмерку сдал? Неплохо, неплохо!

— Вашим советом воспользовался. Ну — сжать сверхэнергию... как снежок...

Дядька поднял взгляд и улыбнулся.

— А потом эту идею развил и на алхимическую печь вышел?

— Как-то так, да.

— Ладно, рядовой. Покажи, на что способен. Начнем с пиковой мощности, пожалуй.

Ну и начали. Точнее, я начал, а Трофим Федорович принялся заполнять форму среза способностей, как он ее назвал. На силовой установке я сумел разово выдать свои рекордные двадцать восемь киловатт, а потом еще в течение получаса генерировал двадцатку, да и скорость обращения к сверхэнергии оказалась не так уж плоха. Пусть и немногим ниже средних значений, зато в пределах нормативов.

Вот только инструктор досадливо поморщился.

— Для теоретика в самый раз, для практика — все равно что путевка на кладбище.

Я постарался не выказать огорчения, но Трофим Федорович и так все понял, ободряюще похлопал меня по плечу.

— Не переживай! Что-что, а скорость оперирования я тебе поставлю. Подберу упражнения, не сомневайся даже. Давай-ка лучше посмотрим, как у тебя с управлением кинетической энергией дела обстоят.

И вот с управлением кинетической энергией у меня оказалось все печально. Пусть я уже понимал базовые принципы, нормальная их реализация давалась из рук вон плохо, точнее — не давалась вовсе. Зачета с такими успехами было не видать как собственных ушей.

— Да уж, трудный случай, — вздохнул инструктор. — Тут такое дело: индивидуально тебя натаскивать времени нет, а ни в одну из групп зачислить не выйдет. Для начала придется усиленными темпами пробелы закрывать. Кинетическую и тепло-

вую энергию даже самые отстающие уже прошли, со следующей недели гравитацией овладеть начнут. Такие дела...

Услышанное меня несколько не порадовало, и я развел руками.

— Пробелы закрыть — это я всегда готов.

— Ладно, пораскину мозгами на твой счет, — пообещал Трофим Федорович, — а пока технику алхимической печи продемонстрирую. Дюже интересно глянуть, чего ты там удумал. Савелий сказал, вариация небезынтересная получилась.

Я воодушевился, легко дотянулся до сверхсилы и стал втягивать ее в себя, разгонять по телу, уплотнять и разгонять снова, а когда внутреннее давление сделалось невыносимым и в груди начало разгораться жжение, усилием воли запустил процесс трансформации и принялся срамливать излишки.

— Ах вот оно что! — выдал инструктор, и прозвучавшая в его голове снисходительность едва не заставила потерять сосредоточенность.

— Все так плохо? — не удержался я от вопроса.

— Да нет, весьма оригинальное использование повышенной сопротивляемости сверхэнергии получилось — чего не отнять, того не отнять. Но вот с технической точки зрения все далеко не безупречно, — заявил в ответ Трофим Федорович, поскреб бритый подбородок и уселся за стол, принялся что-то писать. — Продемонстрированная техника — это лишь временное решение. Костыль, и не более того, — начал вещать он, продолжая делать какие-то пометки. — Объяснять ничего не стану, сам поймешь в свое время. Другое дело, что в иных аспектах твой подход может оказаться даже более интересным традиционного. Вот, держи.

Я принял вырванный из тетради листок в клеточку и прочитал первый пункт, который гласил: «Увеличение внутренне-го потенциала».

— Чем больше энергии сможешь одномоментно удерживать, тем лучше, — пояснил инструктор.

— А что такое «волны»? — удивился я лаконичному содержанию следующей позиции.

— Давишь энергией со смещением, прогоняешь по телу волну. Понял?

— Не особо, — честно признался я.

— Да разберешься, упражнение элементарное! — отмахнулся Трофим Федорович. — «Насыщение» — это все то же самое, что ты продемонстрировал, только в одной конкретной

точке организма. Чем она меньше, а концентрация сверхсилы выше — тем лучше.

— А зачем?

— Все поймешь, когда время придет! И учти — динамику еженедельно отслеживать стану, а эту технику в твою индивидуальную программу включу. Будешь филонить, зачета не получишь. Минимум час в день алхимической печи уделяй. Ты же медитируешь, насколько я понял? Ну вот и совмещай.

— А что за «очаг»? — справился я насчет последнего пункта.

— Переводишь «насыщение» в алхимическую печь. То есть не накачиваешь весь организм энергией, а создаешь компактный очаг. Если не получится, а с ходу у тебя точно не получится, не расстраивайся. Техника крайне непростая, ее старшестаршие курсники месяцами оттачивают. Главное — базовые навыки освоить, дальше проще будет.

Я сложил лист надвое и спрятал его в карман.

— Завтра подходи к восьми, — объявил инструктор, этим мое первое занятие и завершилось.

Желудок к этому времени так и подводило от голода, но тратить время на поиск места, где можно перекусить, я не рискнул и удовлетворился теплой водой из питьевого фонтанчика, а после отправился напрямиком в расположение взвода. Мой мотоцикл к этому времени уже выгнали из мастерской, и куривший на улице Михал Михалыч вручил ключи от него со словами:

— Побегает еще.

— Спасибо, — сказал я и поднялся на второй этаж, заглянул в каморку лейтенанта.

— Освободился уже? — оживился тот, поднимаясь из-за стола. — Ну и отлично. Идем!

Мне бы порадоваться эдакому воодушевлению, да что-то в голосе командира заставило напрячься в ожидании скорых неприятностей. И не скрытая угроза — вовсе нет, на нее не прозвучало ни малейшего намека, скорее уж намек на совершенно неуместный в сложившейся ситуации азарт. Можно подумать, у лейтенанта других забот нет, кроме как новобранца к обучению пристраивать!

Но от расспросов воздержался, молча потопал следом. А уже на улице командир взвода снизошел до объяснений сам.

— Индивидуально тебя обучать никто не возьмется, но сейчас как раз новый набор натаскивают, определю в одну из

групп начального уровня. На девятом витке в резонанс вошел, ничего не путаю?

— Так точно!

— Ну вот и заглянем к егерям. Туда с десятого и выше берут, но рекрутов непосредственно к Эпицентру не забрасывают, а в остальном ты ничуть не хуже. Они, конечно, элита и станут артачиться, так что ты не тушуйся, покажи себя.

Уж не знаю, намеренно лейтенант произнес слово «элита» с издевательским сарказмом или это вышло помимо его воли, но напрягся я пуще прежнего. Только еще не хватало в каких-то внутриведомственные склоки впутанным оказаться!

На задворках футбольного стадиона был оборудован полноценный спортивный комплекс с разнообразными площадками, открытым бассейном, полосой препятствий, вышкой для учебных прыжков с парашютом и даже причальной вышкой дирижаблей. Нашей целью стал навес, где шли занятия по рукопашному бою. Три десятка бойцов внимательно следили за тем, как инструктор демонстрирует правильную технику броска через спину, и среди них, к своему немалому изумлению, я углядел Аркашу Пасечника — загорелого, потного, в пыльной полевой форме.

Не заметить меня он не мог, но и глазом не повел; как видно, дисциплина у егерей была на высоте.

Лейтенант Лысуха не стал прерывать учебный процесс, молча прислонился плечом к столбу и закурил. Я встал рядом и принялся следить за темноволосям инструктором — высоким, жилистым и очень быстрым. Последнее понял не сразу, лишь когда он продемонстрировал бросок в полную силу. Александр Малыш на таких скоростях со мной никогда не работал, и закралось неуютное сомнение, сумею ли вписаться в эту группу.

Ну а там выступавший мальчишкой для битья крепыш в очередной раз покатился по песку, и егерь выпрямился, глянул на нас без всякой приязни. Точнее — глянул он на командира мотоциклетного взвода, меня словно и не заметил вовсе. Хотя почему — словно? Так и есть — не заметил.

— Господин капитан... — обратился к нему Игорь Лысуха вроде бы почтительно, но как-то очень уж небрежно.

Взаимной приязни между офицерами точно не было, ответил инструктор столь же резко, как и двигался в учебном поединке:

— Что опять?

Командир мотоциклетного взвода указал на меня.

— Капитан Дудник приказал рядового к обучению пристроить.

— Кому приказал? Тебе? Вот и пристраивай!

— Поэтому и пришел.

— Я тут при чем?

— У егерей самая подходящая группа, — последовал спокойный ответ.

— Мы не берем посторонних!

— Капитан Дудник...

Волевое лицо инструктора закаменело.

— Я не подчиняюсь капитану Дуднику, так ему и передай!

Он уже начал разворачиваться, когда командир мотоциклетного взвода пыхнул дымком и небрежно обронил:

— А комбату что передать? Совсем запамятовал: распоряжение на этот счет с самого верха идет.

Инструктор резко обернулся и зло глянул на собеседника, но на попятный не пошел и заявил:

— Кого попало обучать не берусь! Майору это известно.

Игорь Лысуха кинул окурок на землю и растер его подошвой, потом спросил:

— А есть какие-то критерии для отделения кого попало от не кого попало? Или это на глаз определить реально?

В вопросе так и сочилась злая ирония, но капитан не вспыл и впервые обратил свое внимание на меня. Миг глядел, потом презрительно скривился и не отшил нас окончательно и бесповоротно, а вместо этого прищелкнул пальцами искомандовал:

— Круг!

Один из бойцов без промедления воткнул в центр площадки короткий колышек и с помощью привязанной к нему веревки сноровисто прочертил по песку окружность метров десяти в диаметре.

Инструктор достал из кармана брюк часы со спортивным секундомером и объявил:

— Продержится минуту — возьму на испытательный срок. Ну а нет, значит, нет.

— А если он победит? — поинтересовался мой взводный.

Егеря впервые позволили себе проявление эмоций: они негромко рассмеялись. Так и подмывало оценить реакцию Аркаши, но сдержался, не взглянул на него.

Капитан вновь смерил меня цепким взглядом, неприятно улыбнулся и сказал:

— В этом случае обойдемся без испытательного срока.

— Действуй от обороны и не забывай о контратаках, — посоветовал тогда Лысуха, и не подумав отлипнуть от столба.

Как показалось — посоветовал исключительно проформы ради, будто исход поединка его несколько не волновал. Впрочем, а с чего бы ему переживать? Это мне беспокоиться надо.

И да — я беспокоился. Разулся, уложил на ботинки ремень с пистолетом, кинул сверху панаму и гимнастерку, затем охлопал себя по карманам и немного поколебался, но все же выложил заточку.

Моим противником назначили крепкого егеря на пару лет постарше — того самого, на котором инструктор демонстрировал правильную технику броска. Когда мы встали в круг, капитан озвучил правила:

— Выход за границу ринга равнозначен поражению, удары по глазам запрещены. — И добавил: — Только не убей его...

Последняя фраза точно предназначалась не мне, пропустил ее мимо ушей. Наученный горьким опытом противостояния связке Федя — Казимир, я неотрывно следил за своим противником, и отнюдь не зря — ударил тот за миг до шелчка кнопки секундомера.

Не качнись я назад, и тычок в подбородок неминуемо обернулся бы свернутой набок челюстью, а так — увернулся. Жаль только, движение вышло неловким и контратаковать из новой позиции не вышло, сумел лишь отступить на шаг и разорвать дистанцию, но и этого хватило, чтобы егеря разочарованно выдохнули. Судя по реакции зрителей и промелькнувшему на лице крепыша разочарованию, обычно все решал первый нокаутирующий удар, а тут — не задалось.

Но я не позволил себе расслабиться, скорее уж наоборот. Просто накатило осознание: зевну — покалечат. И теперь уже не только из одного желания поскорее завершить поединок, теперь это вопрос самоутверждения.

Крепыш шагнул ко мне, я попятился. Егеря засвистели и заулюлюкали, но — плевать; секунды тикают — остальное не важно.

Противник был на полголовы ниже, при этом заметно мускулистей и определенно куда сильнее; единственным моим преимуществом могли стать чуть более длинные ноги и руки, на то я и сделал ставку. Но для начала — попятился.

Парень вошел в раж и попер вперед, желая поскорее выкинуть за пределы круга, и я провел боксерскую двоечку. Всерьез попасть в цель не рассчитывал изначально, лишь наметил слабое сопротивление и вновь отступил, чтобы тут же без всякого перехода провести низовой пинок по щиколотке крепыша. Подсечь ногу не вышло, зато удар заставил егеря оступиться, и в этот краткий миг его неустойчивости мне удалось скользнуть в сторону, не нарвавшись на прямой в голову.

Запоздалый замах блокировал левым предплечьем, и по руке словно молотком шибанули, чуть не вскрикнул от боли и на миг потерял концентрацию, за что и поплатился, пропустив пинок в бедро. Меня кинуло в сторону, и я не стал удерживать равновесие, перекатом разорвал дистанцию и вновь очутился на ногах. Дальше опять начал отступать и активно работать руками, не позволяя втянуть себя в ближний бой.

Сбравшиеся разродились презрительным свистом, и подбадриваемый криками сослуживцев крепыш ринулся в решительную атаку. Слишком быстро, слишком резко. Стремительный рывок противника застиг на полушаге, и единственное, что успел, — это отмахнуться левой.

Хлюпнул разбитый кулаком нос, но для егеря этот выпад неожиданностью не стал, он пошел на размен ударами совершенно осознанно, точнее даже — меня на него вынудил. В следующий миг прилетело в солнечное сплетение, и враз сбилось дыхание, скрючило так, что едва успел нырнуть в сторону в попытке уклониться от летевшего в голову кулака. Почти увернулся — и тот не рассадил скулу, а лишь шаркнул по уху, но и так в глазах вспыхнули звезды. Я едва ли не вслепую врезал правой, и в запястье немедленно вцепились жесткие пальцы. Крепыш дернул за перехваченную руку, ловко подставил бедро под направленное в пах колено и резко откинулся назад, рванув за собой. За собой — и еще дальше!

Но к таким вот ситуациям меня подготовили неплохо, не выкатился кубарем за пределы круга, остановился у самой его черты, вскочил на ноги, готовясь отразить новую атаку противника. А тот и не подумал вставать с колен, да в этом и не возникло нужды — неожиданно меня повело, и сам не понял, как сделал два шага в сторону, словно толкнули невидимые руки.

— Пятьдесят секунд! — объявил капитан егерей, вновь щелкнув кнопкой секундомера, и продемонстрировал циферблат командиру мотоциклетного взвода.

Я тряхнул головой и только после этого сообразил, что вывалиться за пределы импровизированного ринга заставило воздействие чужой воли. Этот гаденыш надавил сверхсилой! И не надавил даже, скорее приложил от души, просто моя сопротивляемость сказалась! Какого черта?!

Апеллировать к инструктору я не стал, и отнюдь не из ложной скромности, просто расхотелось заниматься под его началом, позволил себе лишь нейтральное замечание:

— Так можно было, да?

Егерь глянул на меня с нескрываемым раздражением и отрезал:

— Запрещено было выходить за пределы круга и бить по глазам! Что-то еще непонятно, рядовой?

— Никак нет, господин капитан! — выдал я в ответ, не желая злить офицера, и без того его подопечный с рассаженным носом волком смотрит.

Ха! А ведь я вполне мог продержаться эти проклятые десять секунд, если б не зевнул!

Капитан спрятал в карман секундомер и скомандовал:

— Свободен!

Он вернулся к прерванному нашим появлением занятию, ну а я, на ходу натягивая гимнастерку, двинулся за невозмутимым взводным. Только пошли мы почему-то не обратно в расположение, а к полосе препятствий.

— И что теперь, господин лейтенант?

— Давай без чинов в неофициальной обстановке. Игорь Юревич или командир.

— И что теперь... — Я немного замешкался, выбирая наиболее подходящее ситуации обращение. — Командир?

— Выше нос! — рассмеялся взводный. — Хороняка тебя в свою группу в любом случае не зачислил бы, нашел повод отказать. Особый дивизион — элита ОНКОР, а как только человек начинает мнить себя «элитарием», так у него в мозгах плесень и заводится. Одни родословной кичатся, другие... — Командир махнул рукой. — Да не важно! Главное, что у егерей тебе делать нечего. Не думай, капитан — профессионал, каких поискать, просто педагогическими талантами не блещет, да и задачи у его подразделения очень уж специфические. Не для тебя это.

Меня так и распирало от вопросов, и хоть умнее было промолчать, я не утерпел и спросил, потирая припухшее ухо:

— Тогда зачем мы сюда вообще приходили, если результат был известен заранее?

— А как иначе? — усмехнулся в ответ лейтенант. — Особый дивизион — элита ОНКОР, и раз начальство распорядилось обеспечить тебя лучшими наставниками, я должен был попытаться договориться именно с ними.

Я понимающе кивнул. Ну да, ну да. Именно что попытаться. Лейтенант даже словом не обмолвился, что за меня просил комиссар Хлоб, и подозреваю: отказ капитана взять нового ученика еще выйдет ему боком. Но это не важно, вопрос в том, куда мы направляемся сейчас.

Долго ломать голову на этот счет не пришлось — полосу препятствий, к которой подошли, как раз преодолевали два десятка бойцов; взводный указал на них и пояснил:

— Десантники.

Мне сигать с парашютом с аэроплана несколько не хотелось, и я с надеждой уточнил:

— Тоже особый дивизион?

— Нет, воздушный, — с усмешкой прозвучало в ответ, и лишь с превеликим трудом удалось подавить обреченный вздох.

Десять секунд! Ну вот что стоило продержаться те десять секунд?

ГЛАВА 2

За тренировкой авиадесантников следил пожилой прапорщик — плотно сбитый, но не грузный, скорее крепкий и кряжистый, будто гриб-боровик, с густыми седыми бровями, сросшимися на переносице. К этому суровому на вид дядьке командир взвода и подошел.

— Николай Тарасович, мое почтение!

Офицеры обменялись рукопожатием, и тогда лейтенант не стал тянуть, сразу изложил свою просьбу:

— Николай Тарасович, мне бы бойца к обучению пристроить. Очень надо. По бумагам на неделе проведем. Сами понимаете — дело небыстрое.

Прапорщик оценивающе глянул на меня, и тогда взводный счел нужным добавить:

— Пятьдесят секунд у Хороняки продержался. И без нокаута обошлось, просто из круга вылетел. Правда, против него ка-

кого-то салагу из зимнего призыва выставили, но все равно результат достойный.

Николай Тарасович неопределенно повертел в воздухе растопыренными пальцами и спросил:

— Какой виток?

— Девятый, господин прапорщик, — ответил я.

— Девятый? Игорь, а ты зачем его к егерям вообще водил? Ты же их критерии отбора не хуже меня знаешь!

Вопрос взводного ничуть не смутил, он лишь руками развел.

— Приказы командира не обсуждаются, а выполняются!

— Ой ли? — усмехнулся Николай Тарасович, но развивать эту тему не стал и распорядился: — Ну давай, боец, посмотрим, на что ты годишься.

Он указал на полосу препятствий, и я расстегнул ремень, потом избавился и от гимнастерки.

— Его бы до предела загрузить, — заметил тогда лейтенант.

Прапорщик нахмурил брови и неопределенно проворчал:

— Видно будет.

Дальше я слушать не стал и поспешил к полосе препятствий, которая оказалась куда протяженней нашей стометровки, да и одними только заборчиками, кирпичными стенками, жердями и натянутыми веревками дело там не ограничивалось. Где-то приходилось сигать через канавы, где-то — перебегать через них по бревнам, пару раз требовалось взобраться по канату и тонкому тросу с завязанными узлами — на них меня изрядно помотало, а вот влезть на десяток метров по веревочной сетке получилось куда легче. Когда полз по-пластунски под рядами натянутой колючей проволоки, весь с головы до ног изгваздался в пыли, но в целом, как показалось, лицом в грязь не ударил. Нигде не сорвался, нигде надолго не застрял.

Николай Тарасович от оценок моей подготовки воздержался, лишь сказал командиру взвода:

— Оставляй.

Тот кивнул, предупредил:

— Жду к трем, — и ушел.

Ну а у нас началось занятие по рукопашному бою. Не слишком интенсивное по сравнению с моими индивидуальными упражнениями, но заметно плотней и жестче отработки бросков и захватов в составе учебного отделения комендатуры. Впрочем, не настолько плотнее, чтобы я упустил возможность

присмотреться к десантникам. Те в основе своей оказались на год-два постарше, а спортивными и подтянутыми были все без исключения, даже несколько затесавшихся в коллектив барышень. Ну и вроде бы меня приняли нормально, не косились и шуточек не отпускали, хотя и ждал чего-то подобного, чего уж там.

После занятий потянули мышцы, построились и трусцой побежали на стрельбище, и вот там уже меня отделили от основной группы, пришлось демонстрировать навыки владения огнестрельным оружием младшему сержанту. Пострелял из ТТ и ППС, а когда закончил с трехлинейкой, помощник инструктора крикнул:

— Николай Тарасович! Пулемет ему давать?

Прапорщик подошел и с некоторым даже удивлением спросил:

— Зачем еще?

— А на него документы из канцелярии пришли, он вторым номером пулеметного расчета числится.

Я кивнул.

— Так точно. Учили.

— Ну давай посмотрим, — решил Николай Тарасович и взял лежавший на столе танковый шлем, заменил им форменную панаму. — Приступай!

Я забросил на плечо ляжку кожаного ранца с запасными дисками, взял ручной пулемет и выдвинулся на стрелковую позицию. За последнее время успел приноровиться к РПД и пусть особой точностью при ведении огня на дальнюю дистанцию похвастаться не мог, зато и грубых ошибок не совершил. Изготовил оружие к стрельбе, сжег сотню патронов и, как видно, продемонстрировал вполне приемлемые результаты, поскольку Николай Тарасович, сняв шлем, с улыбкой сказал:

— Эх, если б еще и десантированию с парашютом обучен был... Тогда бы хоть прямо сейчас к себе забрал.

— Пять прыжков у него, — подсказал младший сержант. — Я думал, в вашу роту пополнение готовят.

Прапорщик не удержался от ухмылки.

— Посмотрим, — сказал он, пригладив большим пальцем кустистые брови, но сразу отбросил шутливый тон и заявил: — Являться станешь на три тренировки. В шесть сорок пять, одиннадцать тридцать и девятнадцать часов ровно. Если будешь занят по основному месту службы, предупреждай заранее.

— Так точно!

— Свободен, рядовой.

Я поспешил к видневшимся вдалеке окраинам Кордона, а там озадаченно повертел головой по сторонам, но почти сразу углядел возвышавшиеся над зданиями верхние этажи госпиталя, сделал небольшую поправку и двинулся напрямик в расположение мотоциклетного взвода. И, как ни странно, почти не промахнулся, глухими переулками вышел к двухэтажной казарме пулеметчиков, а оттуда до проходной авточасти было рукой подать, метров пятьдесят, не больше.

Первым делом я отправился в душ и пару минут стоял, отфыркиваясь под едва теплыми струйками воды. Потом насухо вытерся и привел в порядок форму, при этом дольше всего провозился с отпарыванием букв «К». А вот латунную эмблему автобронетанкового дивизиона закрепил под символикой Отдельного научного корпуса уже без всякого труда.

Когда поднялся на второй этаж, курьер выставлял на стол привезенные дежурной смене судки и термосы, и аромат в комнате стоял столь одуряющий, что рот моментально наполнился слюной.

— А ты чего тут, Петя? — удивился сержант Козодой и постучал пальцем по наручным часам. — Тебя на довольствие уже поставили, беги обедай!

— В душ заскочил, — пояснил я, приглаживая волосы. — А столовая где-то на территории?

— Не, рядовой состав при госпитале харчуетя, — пояснил Вова-футболист. — В июне и декабре, когда соискатели валом прут, поесть целая проблема, а так туда даже унтеры ходят, готовят — пальчики оближешь.

Я припомнил свое посещение больничной столовой и недоверчиво покачал головой. Нет, смутило вовсе не замечание о качестве стряпни, просто то помещение не показалось настолько просторным, чтобы вместить всех желающих.

— Там столпотворение, наверное...

— Да не, — успокоил меня Вова. — Это нашему батальону так свезло. Мы ж вечно в разъездах. Ну или дежуриим, вот. Только сначала в канцелярию заверни, получи талоны на питание.

Дальше я сомневаться не стал, потопал в канцелярию батальона. Туда уже спустили распоряжение на мой счет, расписался за талоны на питание до конца месяца и поспешил в госпиталь. В его столовой и в самом деле оказалось не слишком

многолюдно, удалось договориться и об усиленном пайке — благо не успел потратить на шоколад и конфеты все выданные по распоряжению комиссара талоны.

Когда отошел с нагруженным тарелками и стаканами подносом, увидел Аркашу, на груди которого красовался полученный еще в выпускном классе значок «Отличник-парашютист». Служивцы моего товарища уже разошлись, да он и сам успел пообедать и просто допивал компот.

Я обрадовался возможности поговорить и двинулся к его столу. Поставил поднос и протянул руку.

— Привет! Как дела?

Аркадий ответил на рукопожатие и невесело усмехнулся.

— Да грех жаловаться. Уж всяко лучше, чем у Левы.

— Все у него наладится еще, — уверил я товарища и принялся хлебать суп из рыбных консервов, а попутно пытался поддерживать разговор, но Аркаша отвечал односложно и как-то очень уж неохотно, словно голова была занята совсем другим. Ну и сам меня ни о чем не спрашивал, что было для него совсем уж нехарактерно.

Наконец я не выдержал и поинтересовался без всяких экивоков:

— Ты чего такой замученный?

— Устал, — уклончиво ответил Аркаша, помедлил немного и с непонятым выражением произнес: — Лия писала, что она, Инга и ты теперь в одном клубе...

Тяжелый взгляд товарища заставил на миг растеряться, а потом вдруг дошло: да он же ревнует! Аркаша ревнует меня к Инге! Мир точно перевернулся с ног на голову! На миг стало даже приятно, что мы поменялись ролями, ну а затем настроение скисло, словно оставленное на жаре молоко. К гадалке не ходи — у них все серьезно было, а мне чем гордиться? Вот чем, а?

И я покачал головой.

— Клуб один, компании разные.

Аркаша фыркнул.

— Да брось!

— Послушай! — Я отвлекся от супа и подался вперед. — Мы с Ингой за прошедший месяц и десятком слов не перебросились. Она даже с Лией почти не общается, насколько понял, а все больше с соучениками по кафедре пиковых нагрузок. О пацифистах тебе Лия писала?

— Инга и пацифисты? Ерунда на постном масле!

Я только плечами пожал и вновь заработал ложкой.

Аркадий немного помолчал, затем допил оставшийся в стакане компот и поднялся на ноги. Думал, уйдет молча, но нет — на прощанье бывший одноклассник все же счел нужным обронить:

— Увидимся, Петя.

— Увидимся, — эхом отозвался я и занялся картофельным пюре и котлетой. Своей очереди дожидался кусок отварной говядины, а на десерт была слойка. И не могу сказать, будто аппетит пропал, да только ел дальше без особого удовольствия.

В расположение вернулся сытым, но не слишком довольным жизнью. Если к служебным пертурбациям уже выработался некий иммунитет, то разговор с Аркашей откровенно выбил из колеи. Раньше прошлая жизнь представлялась незбылемым фундаментом, а сейчас натуральным образом почва из-под ног ушла.

Впрочем, долго пребывать в раздрае чувств мне не позволили. Только доложил командир взвода, и тот сразу погнал на инструктаж в дежурку. Сержант Козодой оторвался от преферанса, выложил на стол стопку журналов учета и велел расписаться за ознакомление с техникой безопасности, правилами патрулирования и порядком досмотра транспорта. Попутно буквально в двух словах рассказал о том, что и как придется делать, а после разложил на краю стола карту и провел пальцем от Кордона до Эпицентра.

— Дорога тут одна, если по какой-то надобности с нее съехать придется, направление штурман указывать станет. Экипаж у тебя опытный будет, не заблудитесь.

— Штурман?

— Пулеметчик, — пояснил Захар. — Будет и пулеметчик, и снайпер.

— А карту ты все же изучи, Петя, — посоветовал ефрейтор Черепица. — Секторы с пятого по двадцать восьмой не смотри, не наша зона ответственности, а вот с двадцать девятого по четвертый весь объездить придется.

Я поначалу ничего не понял, затем сообразил, что речь идет о привычных уже румбах, только не ограниченных тринадцатикилометровым радиусом Эпицентра.

— Да, лишним не будет, — согласился с этим советом сержант. — Гляди, начиная с пятидесятого километра начинается зона ограниченного посещения, а до того...

Что там «до того», начальник смены поведать не успел, от распахнутой двери донесся гулкий стук, а следом кто-то бодрым голосом объявил:

— Тук-тук, хозяева! Кто в теремочке живет?

Шагнувший в дежурку молодой человек с нашивками младшего сержанта был не слишком высок и не мог похвастаться мощным сложением, зато его запястья оказались в объёме как три моих, а ладони больше походили на лопаты.

В остальном же — ничего особенного: лет двадцати пяти на вид и, как говорится, неброской внешности, приятной наружности. Лицо овальное, нос прямой, брови русые — заметно светлее подстриженных под бокс волос; справа на груди висели значки «За отличную стрельбу» и «Отличный пулеметчик».

— Явился, не запылится! — рассмеялся Захар Козодой, протянув руку. — Ты чего пришел? Выезд только в три пятнадцать!

— Да мимо проходил, — отмахнулся младший сержант. — Скажи лучше, кто эту неделю нас катать будет?

— Рядовой Линь, — указал на меня начальник дежурной смены и усмехнулся. — Петя, этот обманчиво дружелюбной наружности боец — твой пулеметчик, штурман и командир мотогруппы. Слушай его, Фома Коромысло плохому не научит.

— Только пить, курить и по бабам ходить! — хмыкнул Вова-футболист.

— Как будто это что-то плохое! — хохотнул пулеметчик, протягивая руку.

Пожатие широченной лапищи оказалось предельно аккуратным, не иначе специально постарался не раздавить мне кисть; это крайне порадовало, пусть и мог в любой момент качнуть в нее сверхсилу.

— Казарму пулеметчиков знаешь? — уточнил Фома.

— Показали.

— Тогда собирайся и подъезжай. Выдвигаемся через пятнадцать минут.

Он покинул караулку, а я оглянулся на сержанта.

— Форма одежды какая?

— Плащ, очки и шлем — в обязательном порядке, остальное — на твое усмотрение, — сказал тот, протянул путевой лист и предупредил: — Уровень бензина только проверить не забудь. И давай живее. Фома — мировой парень, но есть у него пунктик: терпеть опозданий не может.

Ну я и не стал медлить, рискнул даже скатиться по спусковому столбу. А и нормально! Накинул поверх полевой формы плащ, кожаные штаны решил не надевать, переобуться тоже не стал. Прихватил фляжку и пистолет-пулемет, вышел на улицу и, хоть перед выездом из Новинска залил бак под пробку, все же последовал совету сержанта и проверил уровень топлива. С тем оказался полный порядок: запас хода более чем в два раза перекрывал протяженность нашего сегодняшнего маршрута, указанную в путевом листе.

Закрепив ППС в держателях, я повернул ключ зажигания, толкнул ногой педаль пускового устройства и покатил к воротам. Навстречу попался такой же мотоцикл, как у меня, только покрытый густым слоем рыжеватой пыли, а на контрольном пункте пришлось дожидаться, пока с территории выедут два грузовика.

Когда подкатил к соседней казарме, Фома уже стоял у крыльца в компании дымивших папиросами сослуживцев. Одной рукой он контролировал упертый прикладом в землю пистолет, в другой удерживал на весу ранец с боекомплектом. Кожаная куртка у него оказалась такой же, как у Василя, и танковый шлем с очками тоже ничем от стандартных не отличались, а вот перчатки точно были пошиты по индивидуальному заказу.

Прежде чем забраться в люльку, младший сержант взглянул на наручные часы, и я подумал, что не помешало бы обзавестись хронометром и мне. Увы, даже с повышенным денежным довольствием копить было на такую покупку и копить.

— Поехали! — распорядился Фома, начав прилаживать к вертлюгу сошки пулемета.

Я тронулся с места и направил мотоцикл к соседнему зданию, а там, стоило только остановиться, Фома без промедления дунул в здоровенный медный свисток. С минуту ничего не происходило, а затем толчком — или даже пинком! — распахнулась входная дверь и на улицу вышел худощавый ефрейтор. Был он смуглым, черноволосым и черноглазым, свернутую кожаную куртку нес под мышкой, а винтовку — закинутой на плечо; вещевой мешок болтался на одной лямке, на гимнастерке посверкивал золотым ободком стилизованный под мишень нагрудный знак «Снайпер ОНКОР».

— Раздолбай! — тихонько ругнулся Фома и поторопил стрелка: — Тимур, ну время же!

— Ой, да перестань ты! — фыркнул ефрейтор, заметил меня и цокнул языком. — О, у нас новый руль!

Я протянул руку.

— Петр.

— Тимур. — Стрелок ответил на рукопожатие и передал вещевой мешок Фома, чтобы тот убрал его в ноги, а куртку устроил на запасном колесе. — Ну все, погнали!

Я выжидающе посмотрел на пулеметчика, и тот уточнил:

— Выезд на Эпицентр знаешь?

— Через госпиталь ехать или напрямик дорога есть?

— Давай через госпиталь.

Ну и поехали. Восседавший на заднем сиденье Тимур одной рукой вцепился в ручку, а другой придерживал брошенную на запасное колесо куртку, на кочках его потряхивало, но очень скоро я перестал беспокоиться насчет снайпера и полностью сосредоточился на дорожной обстановке. Движение оказалось весьма напряженным, постоянно попадался встречный автотранспорт, и любая невнимательность могла завершиться аварией. С учетом приличных скоростей и превосходства грузовиков в массе ничем хорошим столкновение для нас закончиться не могло; пока доехал до восточного пропускного пункта, просто взмок. Жара свою роль, конечно, тоже сыграла, но в первую очередь сказалась все же нервотрепка.

— Ну, я же говорил! — рассмеялся Тимур, когда мотоцикл остановился в тени блокпоста с установленной на крыше спаркой крупнокалиберных пулеметов.

Фома отмахнулся от него и отошел к караульным, перекинулся с ними парой слов и крикнул:

— Колонна на подходе. Готовность — две минуты!

Стрелок ругнулся вполголоса и принялся застегивать куртку, а я удивленно спросил:

— Мы не просто к Эпицентру едем, что ли?

— Не-а, — мотнул головой ефрейтор. — Колонну сопроводить будем.

Вернувшийся к мотоциклу Фома приладил на пулемет диск и пояснил:

— Иностранцев операторов на подстройку к Эпицентру везут, мы в головном дозоре и туда, и обратно. На месте они своими силами справятся, там немного по округе покруглимся. Покажем тебе окрестности.

Я хрустнул костяшками пальцев и произнес:

— Когда ехали на инициацию, сказали, что тут спокойно, а нас только для порядка сопровождают.

Пулеметчик и снайпер обменялись многозначительными хмылками, и Фома резонно заметил:

— Петя, ну сам посуди — кто бы такую ораву туда-обратно просто для порядка гонять стал? А горячее? А моторесурс?

Я выставил перед собой раскрытые ладони.

— Так вопрос именно в том, как в реальности дела обстоят!

Младший сержант пожал плечами.

— Тимур, сколько с начала года серьезных инцидентов было? Десятка полтора?

— Если по нашей зоне ответственности и со стрельбой, то да. А если брать браконьеров, черных старателей и всякую мелкую шуштуру, то чуть ли не каждый день кого-нибудь прихватывают.

Я не удержался и присвистнул.

— А серьезные — насколько серьезные?

— Серьезней не бывает, — уверил меня Фома. — Мой тебе совет: веди себя так, будто в прифронтовой полосе находишься, целее будешь.

— И мы вместе с тобой, — на полном серьезе поддакнул Тимур.

Патрулирование улиц в Новинске враз перестало казаться таким уж неприятным занятием, и я невольно передернул плечами.

— Медом тут всем, что ли, намазано?

Фома Коромысло рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— А ты как думал! Именно что — намазано! И одиночки пытаются мимо патрулей к Эпицентру просочиться, и полноценные диверсионно-разведывательные группы захаживают. Сейчас вот иностранцы по обмену едут — если их обстреляют или подорвут, вонь до небес поднимется. Такой счет нам выставят, мало не покажется.

Я припомнил лекцию капитана Городца после неудавшейся провокации у водохранилища и вновь поежился, а поскольку молча стоять не хотелось, решил прояснить момент с резанувшей слух фразой.

— «По обмену» — это как?

— Ну, ты же в курсе, что Эпицентр — самый мощный из всех источников? — уточнил Фома и после моего кивка продолжил: — Иностранцам даже на пятый или седьмой виток пе-

реключиться за счастье, вот институтские умники и организовали взаимовыгодный процесс.

— У нас же договор с Лигой Наций...

— Не, это уже сверх квоты. Берут только прошедших инициацию в другом источнике, кого-то за наличный расчет, кого-то — взамен наших слабосилков.

— Чего?!

— Рот закрой, муха залетит! — пошутил Тимур.

Младший сержант тоже глянул на меня с неприкрытой усмешкой.

— Петя, ты как маленький, честное слово! С витка на виток не перескочить, так? А вот между источниками — вполне. Если кому-то башковитому с инициацией не повезло, его могут в Айлу отправить. Там источник дохлей нашего, но с правильной подстройкой реально сильнее операторов нашего пятого витка стать. С шестым, конечно, не сравняться, но не до жиру, знаешь ли.

У меня чуть голова кругом не пошла. Оказывается, девятый виток — это не приговор! Можно поднять свою пиковую мощность в разы! Всего-то и надо — зарекомендовать себя с лучшей стороны, показать перспективность!

— А потом еще раз настроиться на Эпицентр, только на эталонном шестом витке... — пробормотал я, и пробормотал достаточно громко для того, чтобы меня расслышали.

Фома пожал плечами.

— Не факт, что выгорит. Но чего не знаю, того не знаю.

«А что вообще ты знаешь?» — едва не вырвалось в приступе непонятного ожесточения. Хотя — а непонятного ли?

Легко сказать: «зарекомендовать себя!» Попробуй зарекомендуй! Я ведь не в РИИФС, я в ОНКОР! И мои трудовые свершения многомудрых профессоров точно не впечатлят!

Следом вспомнилось предложение Палинского зачислить в институт вольным слушателем и обещание Льва поразмыслить над поступившим от профессора предложением, от разочарования и обиды на весь белый свет неприятно закрутило кишки. Но справился с собой, взял эмоции под контроль.

Не о том думать надо! Не о том! Я прошлой ночью человека убил и очень скоро под подозрение попаду, если уже не попал, а все мысли о великих свершениях и научной карьере покоя не дают! Дурдом!

— О чем задумался, Петя? — спросил с интересом следивший за мной пулеметчик.

Но тут уж я не сплеховал, пожал плечами и с деланным безразличием сказал:

— Думаю, две минуты давно прошли, а колонны все нет.

— В яблочко! — рассмеялся Тимур, наставив на меня указательный палец. — Устами младенца глаголет истина!

— Бросьте! — отмахнулся Фома. — Главное, что мы вовремя прибыли. А так — стоим в теньке, плохо разве? Сейчас поедем.

Я прислушался к собственным ощущениям и решил, что куда ехать не хочу. Тошно было на душе и немного страшно. Сбежал облегчиться в туалет, а только вернулся, и к пропускному пункту подтянулась припозднившаяся автоколонна.

Хотя «колонна» — это громко сказано. Два небольших автобуса, легковой вездеход с поднятым брезентовым верхом, грузовик с пехотинцами, еще один — с зенитной установкой, два кургузых броневика с крупнокалиберными пулеметами, и мы — вот и весь транспорт.

Подошел офицер с единственным угольником на шевроне, когда отдали честь, он спросил у Фомы:

— На связи от вас кто?

Пулеметчик указал на Тимура.

— С рацией работаешь или напрямую по радиоканалу?

— Ментально.

— Годится. Связь держим в обход диспетчера, подключаешь к общему каналу, — сказал лейтенант и предупредил: — Все, ждем авиаразведку и выдвигаемся.

Черноволосый снайпер на миг зажмурился, затем открыл глаза и сообщил:

— На связи.

По его виску скатилась капля пота, никак иначе усилия по установлению ментального канала себя не проявили.

— Дистанция — пятьсот метров, самое большее километр. Сильнее от нас не отрывайтесь.

— Так точно, — очень спокойно и по-деловому ответил Фома Коромысло, и лейтенант ушел в караульное помещение.

Я с интересом уставился на снайпера и спросил:

— А все так могут?

— Не, — мотнул головой пулеметчик. — Я только накоротке связь держать могу, в зоне прямой видимости. И недолго. А большинство и такое общение освоить не в силах.

— Мой случай, — усмехнулся я.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. СОЦИАЛИЗАЦИЯ	5
Часть вторая. КОНСПИРАЦИЯ	134
Часть третья. ЭСКАЛАЦИЯ	251
<i>Эпилог</i>	370